
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ В.Ф. ПЕТРЕНКО
“ПСИХОСЕМАНТИКА ИСКУССТВА”.
М.: Макс Пресс, 2014. 320 с.**

Книга В.Ф. Петренко “Психосемантика искусства” посвящена исследованию зрительского и читательского восприятия произведений искусства. В двенадцати главах книги, распределенных по четырем разделам, представлены теоретико-эмпирические исследования, которые в разные годы проводились автором и под его руководством на материале поэзии, живописи и кино. В содержание книги вошли труды таких исследователей, как К.В. Бердников, Е.А. Коротченко, В.В. Кучеренко, Т.И. Менчук, О.Н. Сапсолова, А.П. Супрун. Некоторые исследования, ранее опубликованные в соавторстве в виде статей, автор выстроил в книге в форме отдельных ее глав, сопроводив соответствующими ссылками.

Рассматривая искусство как одну из важнейших форм познания и самосознания, как форму творческого построения возможных миров, идеологем и моделей “потребного будущего”, В.Ф. Петренко определяет психосемантику искусства как форму его рефлексии, позволяющую посредством построения семантических пространств увеличить степень осознания содержания произведений искусства (с. 6). Позиция автора состоит в том, что научная рефлексия произведений искусства возможна и необходима, поскольку искусство – это “отображение и построение мира на образно-символических и малорефлексивных языках” (с. 7). Рефлексия может быть обеспечена применением знаковых систем, достигающих “уровня метаязыка, позволяющего обсуждать проблемы языка первого уровня” (там же), при этом автор исходит из того, что “языком может быть все то, что имеет план выражения и план содержания, т.е. то, что не только презентует само себя, но и несет информацию о чем-то ином” (с. 8). Методология психосемантики отвечает данному требованию и поэтому соответствует задаче рефлексии искусства.

Психосемантика искусства базируется на применении специального методического аппарата, связанного с построением субъективных семантических пространств, описывающих и модельно представляющих глубинные структуры сознания зрителей, слушателей, читателей художественных произведений. В краткой вводной части

книги В.Ф. Петренко указывает на значимую для психосемантики роль техники построения семантических пространств (семантического дифференциала Ч. Осгуда и метода личностных конструкторов Дж. Келли), а также кластерного анализа, использованного в психологии Дж. Миллером. Методологической основой психосемантики выступает школа Л.С. Выготского – А.Н. Леонтьева – А.Р. Лурия. Техника построения субъективных семантических пространств определяет метаязык экспериментальной психосемантики, позволяющий исследователю “видеть” новое в продуктах художественного творчества. Культурно-исторический и деятельностный подходы привносят в психосемантику искусства идеи смыслового строения сознания и “означенности” предметной реальности-практики человека. Объединяет “американский технологический инструментарий” и отечественную культурно-деятельностную психологию принцип активности сознания человека, конструирующего картины мира. Подчеркнем, что метаязык семантических пространств, с нашей точки зрения, – это не только техника анализа и интерпретации произведений искусства (с. 10), но и общая методология их понимания, обращенная к личности человека, его целям, ценностям и смыслам. В.Ф. Петренко не только знает сам, но и предоставляет читателю возможность “чувственно помыслить” структурную сложность человеческого сознания, которое есть не одно, хотя бы и многомерное пространство, а множество взаимопроникающих пространств. Метод экспериментальной психосемантики конструирует глубинные структуры (вскрывает срезы, пласты) сознания читателей, зрителей, слушателей художественного текста, в пределе – текста Мира.

Искусство как творчество и объект экспериментальных психосемантических исследований выступает в книге неопределенно сложным, иерархизированным, живым. Представлению психосемантического подхода к психологии искусства, определению предмета искусства, художественным конструктам как образующим смысла произведений искусства посвящена первая глава книги. Специфика искусства, по мысли автора, состоит в том, что искусство – это и реальность,

и описание реальности одновременно. Творчество создателя художественного произведения – фундаментальная деятельность человека, реальность его бытия со многими свойствами-чертами. Но и восприятие произведенного художественного продукта – это тоже фундаментальная деятельность, требующая от человека интеллектуального напряжения, опыта интуиции, духовной работы. Как совершаются акты творчества и восприятия продуктов творчества – тайна как для самого создателя, так и читателя, слушателя, зрителя. По всей вероятности, это и является основной (онтологической) проблемой анализируемой книги. На разнообразном эмпирическом материале, представленном в разных главах книги, автор раскрывает важные аспекты восприятия художественных произведений, исходя из того, что процесс восприятия произведения “опосредствован личностью зрителя, его имплицитной теорией мира, себя и других” (с. 16). “Проективен не только творец, но и зритель”, – утверждает В.Ф. Петренко, подчеркивая, что если “видение мира художником уже отражено в самом произведении”, то понимание зрителем произведения и отношение к этому произведению можно эксплицировать, используя различные формы (там же). Принципиально важно то, что такая экспликация для автора книги отнюдь не формальность, не утилитарность, не интеллектуальная игра. Рефлексируя с помощью психосемантического метода над продуктами искусства, В.Ф. Петренко исходит из того, что “в широком смысле в задачу искусства входят изменение, трансформация и одухотворение картины мира субъекта, развитие его сознания, интеграция его мироощущения в семиосферу человеческой культуры и, наконец, создание и развитие самой этой культуры, конструирование возможных миров” (с. 12). Автор убежден, что великое произведение искусства “активирует смыслопорождение, богоискательство, поиск высших смыслов бытия, трансцендирует личность как творца, так и духовно резонирующего ему зрителя” (с. 18). Книга позволяет утверждать, что психосемантика искусства также служит решению этих задач, хотя сам автор об этом прямо не говорит и пишет о том, что “психосемантика (или теория личностных конструкторов) как наука о формах и процессах категоризации ставит своей задачей описание семантики и синтаксиса языка обобщений глубинного уровня категоризации – универсального языка искусства” (с. 15). Исследователь-психосемантик, обращающийся к произведению искусства через посредника – реципиента, “ставит задачу увидеть, услышать, понять и пережить произведение с позиции зрителя, читателя, слушателя, описать

произведение в его превращенной форме – форме события, опыта духовной жизни другого человека” (с. 28).

Психосемантика предстает в книге как методология исследования тех форм категоризации и тех имплицитных моделей, через призму которых зритель воспринимает произведения искусства. За этим стоит развитие культурологического мышления. Психосемантический метод дает инструмент для рефлексии художественного произведения как специфической реальности, и, что очень важно, представляет новые содержательные художественные абстракции (понятия, категории), позволяющие через их развертывание “увидеть” и понять художественный мир произведения. В связи с этим книга может быть интересна самым разным читателям: психологам, философам, культурологам, лингвистам, специалистам в области массовых коммуникаций и искусствознания.

Метод психосемантики направлен на глубинно-вершинный (если так можно выразиться) анализ восприятия зрителем реальности конкретных произведений искусства. По мысли автора, именно “произведение искусства является посредником между творцом и зрителем, несущим в превращенной форме духовные искания творца” (с. 23). Психосемантические пространства как основной язык описания восприятия читателем произведения раскрывают многие “тайны” не только зрительского восприятия, но и самого произведения. В реализации данного методического подхода – главный успех книги В.Ф. Петренко.

Но важно выделить и еще одно слагаемое успеха. Развитие искусства автор определяет как “восхождение человечества по духовной вертикали” (с. 18). Искусство психосемантики, обращенное к анализу восприятия реальности искусства, на метауровне – это тоже “восхождение по духовной вертикали”. Бытие-реальность культуры “возвращается” здесь на почве психосемантической парадигмы и запечатлевается в результатах многочисленных эмпирических исследований, которые задают некий онтологический фундамент для интерпретаций. Дизайн и результаты эмпирических исследований описаны в отдельных главах книги таким образом, что у читателя есть возможность составить о каждом из них исчерпывающее представление.

Высокий духовно-идеологический потенциал книги аккумулируется в одном из ее ключевых вопросов – как зритель может извлечь из многозначного произведения актуальную с точки зрения как сегодняшнего дня, так и “вечной жизни”

мысль (идею, принцип)? В современной социокультурной ситуации, когда высокое искусство вовлекается в массовое потребление-тиражирование и нередко искажается, упрощается, это особенно важно. Как не допустить разрушения высокой миссии искусства – транслировать “многовидение” в единой координатной системе (цивилизации)? Один из возможных путей решения данной задачи – попытаться выстроить матрицу восприятия произведения со множеством координат. Автор книги ищет ответы на вопросы о том, как субъект может находить (творить) новые координаты видения произведения и каковы для этого возможности психосемантики.

Книга вызывает духовный резонанс и заслуживает высокой оценки, но поскольку жанр рецензии предполагает критические мысли, заметим, что нам не хватило обобщений, связывающих между собой отдельные главы и разделы книги; показалось, что обилие конкретики эмпирического материала иногда затеняет собственно анализ; и было бы, вероятно, хорошо, если бы книга содержала некоторое авторское заключение, без которого возникает ощущение некоторой незавершенности общения с автором. Правда, остается простор для “разномыслия”.

В качестве эпиграфа к своей книге В.Ф. Петренко избрал слова Г.В.Ф. Гегеля о том, что “любое человеческое творение, будь то литература, музыка или живопись – это всегда автопортрет” (с. 3). Справедливо и книгу о психосемантике искусства рассматривать как автопортрет ее создателя. Вчитываясь в это Произведение, мы видим образ

мыслителя и поэта, романтика и конструктивиста, смелого исследователя и трудолюбивого творца. Главное в том, что книга-исследование В.Ф. Петренко подводит читателя к размышлению о бытии культуры, базирующейся на просвещении и делании-мышлении. И то, и другое, по мысли автора, должно быть многомерным, полифоническим, задаваться и осваиваться схемами-ориентирами. Если человечество научилось строить и использовать пространственные координаты мира, например, для создания жилья, то, возможно, наступило время технологического строительства “жилищ духа”? Каковы их координатные оси? Мы полагаем, что поиск ответов на эти вопросы и является ключевой задачей рецензируемой книги, объемно раскрывающей возможности психосемантического метода для нового конструктивистского (активного, синтезирующего, мировоззренческого) взгляда на Произведение. Прежде всего, на такое произведение, как Человек.

*Ю.А. Сауров,
доктор педагогических наук, профессор,
член-корреспондент РАО,
профессор кафедры физики
и методики обучения физике
Вятского государственного гуманитарного
университета, Киров;
Н.А. Низовских,
доктор психологических наук,
доцент, профессор кафедры
практической психологии
Вятского государственного
гуманитарного университета, Киров*